

Социально-политический экстремизм в Республике Корея: сущность и способы противодействия

Socio-political extremism in the Republic of Korea: the essence and methods of counteraction

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-1-61-72

УДК: 32.019.57

Получено: 22.01.2025

Одобрено: 25.02.2025

Опубликовано: 25.03.2025

Янгиров И.И.

Младший научный сотрудник, аспирант ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Республика Башкортостан, г Уфа

e-mail: Ilnaz.yangirov@yandex.ru

Yangirov I.I.

Junior Researcher, post-graduate student at Ufa University of Science and Technology, Republic of Bashkortostan, Ufa

e-mail: Ilnaz.yangirov@yandex.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является исследование современных тенденций социально-политического экстремизма, причин его возникновения и существования, формирование экстремистских идеологий и реформирование системы противодействия политическому и иному экстремизму в Южной Корее. Основным методом исследования является исторический анализ, обусловленный возникновением современной социально-политической ситуации в стране. Представленный сравнительный анализ, прогнозирование и моделирование ситуаций, а также итогов тех или иных социально-политических решений, позволяют охарактеризовать процесс формирования тенденций социально-политического экстремизма в Южной Корее. Методика исследования опирается на дискурс-анализ политологических источников и научных трудов с целью выявления идеологии экстремизма и последующего формирования системы противодействия. Автором рассматривается социально-политическая динамика развития государства и гражданского общества в Южной Корее через призму появления и воздействия идеологий экстремизма, в частности, его политической составляющей, и формирование эффективной системы противодействия подобным инициативам в Восточноазиатском регионе. Делается вывод, что Республика Корея находится в состоянии, постепенно переходящем в кризисное, т.е. в «красную зону», по причине периодических эскалаций политического, социального, идеологически-культурного и экономического характера. Практическая ценность исследования заключается в актуальных рекомендациях формирования эффективной системы противодействия политическому и иному экстремизму на территории страны. Также в рассмотрении и анализе проблем правопорядка, их источников, универсальных и уникальных моментов, а также дальнейших тенденций распространения экстремистских идеологий и противодействия им. Теоретическая ценность работы состоит в анализе актуальных проблем развития современных тенденций социально-политического и иного экстремизма, его идеологий и расширения круга последователей в призме от первопричин до последствий в контрасте Восточноазиатского региона.

Ключевые слова: Южная Корея, Восточная Азия, социально-политический экстремизм, «чеболь», система противодействия, экстремистские идеологии.

Abstract

The purpose of this work is to study current trends in socio-political extremism, the causes of its emergence and existence, the formation of extremist ideologies and the reform of the system of countering political and other extremism in South Korea. The main research method is historical analysis, due to the emergence of the current socio-political situation in the country. The presented comparative analysis, forecasting and modeling of situations, as well as the results of various socio-political decisions, will allow us to characterize the process of formation of trends in socio-political extremism in South Korea. The research methodology is based on a discourse analysis of political science sources and scientific works in order to identify the ideology of extremism and the subsequent formation of a counteraction system. The author examines the socio-political dynamics of the development of the state and civil society in South Korea through the prism of the emergence and impact of extremist ideologies, in particular, its political component, and the formation of an effective system to counter such initiatives in the East Asian region. It is concluded that the Republic of Korea is in a state of gradual transition into a crisis, i.e., into a "red zone", due to periodic escalations of a political, social, ideological, cultural and economic nature. The practical value of the research lies in relevant recommendations for the formation of an effective system for countering political and other extremism in the country. Also, in the consideration and analysis of the problems of law and order, their sources, universal and unique moments, as well as further trends in the spread of extremist ideologies and countering them. The theoretical value of the work consists in analyzing the current problems of the development of modern trends in socio-political and other extremism, its ideologies and the expansion of the circle of followers in the prism from the root causes to the consequences in contrast to the East Asian region.

Keywords: South Korea, political extremism, chaebol, counteraction system, extremist ideologies.

Введение

Современные социально-политические и иные процессы подвержены тенденции к глобализации, для них характерно, в том числе и распространение негативных факторов, которые присущи различным странам Восточноазиатского региона в частности и мирового сообщества в целом. В данном исследовании предпринимается попытка рассмотреть и проанализировать подобные процессы в Южной Корее, одной из ведущих восточноазиатских стран, как в плане технологий, так и экономики. Процессы, которые мы могли бы назвать дестабилизирующими, происходят по причине совокупных и комплексных факторов, которые стали последствиями неверных экономико-политических и социально-культурных решений, влияя в своей окончательной форме на всё общество и восточноазиатский регион в целом. Подобное развитие событий, игнорирование социально-экономических, политических и иных факторов могут сформировать глобальную геополитическую катастрофу. И лишь эффективные методы противодействия, и принятые в актуальный момент решения смогут нивелировать подобную угрозу.

Целью работы является раскрытие и анализ первопричин, которые сформировали в актуальном моменте платформу развития социально-политического экстремизма в стране. Необходимо оценить уровень последующего противодействия через призму формирования системы эффективных методик подавления экстремистских идеологий, проявлений радикализма и терроризма. И по итогу, сопоставив разные технологии противодействия социально-политическому экстремизму, сформулировать актуальные рекомендации, направленные на улучшение ситуации в стране. Исходя из этого, необходимо подчеркнуть терминологию данного процесса, а именно, как следует понимать такие термины, как: «экстремизм» – латентные, радикальные манипуляции или же прямые воздействия с целью смены общественных парадигм, настроений, мнений и ситуации в целом в радикальном ключе.

Политический экстремизм, который представляет собой политические технологии, направленные на постепенное реформирование общественных отношений к тем или иным событиям, меняя приоритеты и принципы социально-политических взаимоотношений.

Также необходимо обозначить процесс «противодействие» как экстремизму в целом, так и социально-политическому в частности. Под этим необходимо понимать технологии, методики, воздействия и любые другие манипуляции для предотвращения и урегулирования случаев, подходящих под терминологию экстремизма, формирование системы стабилизации институтов гражданского общества и укрепления правопорядка в государстве на всех уровнях.

Обзор научной литературы

Политические процессы в современной Южной Корее представляют собой взаимосвязь и противостояние «старого» уклада с «новым». Под первым мы понимаем влияние коррупционной составляющей на политические аспекты государственного аппарата в актуальном моменте, чей след тянется ещё с Корейской войны, это постепенный процесс монополизации всех экономических инструментов страны в руках определённых элитных групп, в том числе и кланов (семей), которые со временем из сектора экономики активно начали взаимодействовать с сектором политики, сосредотачивая в своих руках всё больше власти и влияния. И если изначально инструменты политики и экономики были у разных групп, то на данный момент времени, управление государством и экономикой отождествлено. Второй составляющей политических процессов в Южной Корее выступают современные идеологии политического и иного экстремизма, которые активно развиваются в настоящее время в стране, исходя из совокупности факторов глобализации, эскалации и радикализации общества.

В своей научной работе «Влияние коррупции на политический процесс Республики Корея» Е.А. Русецкий [11] очертил границы, охарактеризовал источники и последствия противостояния консервативных сил в лице семей-монополистов, в чьих руках находится власть, с одной стороны, и оппозиционных сил с другой. Последние очищают свои ряды от тех, кто хочет войти в элитарные группы, при этом не меняя подобный уклад в отличии от демократов, анархистов и экстремистов, стремящихся к радикальной реорганизации системы управления и распределения материальных ценностей.

Данная работа интересна тем, что последующие прогнозы автора оказались проверены временем, доказав эффективность проведенного научного анализа и достоверность исследования.

Научное исследование Г.А. Шотановой [15, с. 365-371] посвящено изучению экономической политики Южной Кореи в Центральной Азии, политическим связям и культурному потенциалу страны. Особого внимания заслуживает статья А.В. Юрковского [16], который рассматривает тенденции и предпосылки развития экстремизма и терроризма, как в КНДР, так и в Республике Корея, который через призму противостояния двух государств выявляет уникальные аспекты Восточноазиатского региона. К числу работ по рассматриваемой проблематике также можно отнести труды таких ученых, как Е. Алексеенковой [2], О.Н. Алексеева [1], В.Ф. Антипенко [3], Ю.М. Антоняна [4], С.С. Веселовского [5], В.И. Власова [6] и других авторов.

Методы

В статье применяются общелогические методы, такие как анализ, синтез и сравнение. Также при написании статьи применялся дискурс-анализ, что эффективно выявляет признаки наличия идеологии экстремизма и последующего системного противодействия ему в социально-политическом и культурном аспектах. Были выдвинуты предположения, согласно которым Южная Корея по-прежнему находится в ситуации необходимости проведения реформ, однако степень радикализации общества и методики осуществления реформирования всё ещё находятся в процессе дискуссии власти и общества.

Присутствует общественный запрос на выстраивание эффективной системы противодействия наиболее радикальным экстремистским идеологиям, методам и технологиям в социально-политической сфере.

Результаты исследования

Первопричины актуальных проблем социально-политического дисбаланса и роста экстремистских идеологий в Южной Корее уходят своими корнями в события 1950-х годов и последующее разделение Кореи на Северную и Южную. Корейская Война 1950-1953 гг. уже тогда заинтересовала не только участвующие в ней стороны, но и привлекла внимания всего мирового сообщества. Зачастую, данный конфликт даже соотносят с определённым периодом Холодной Войны между блоком НАТО и ОВД. Для самих корейцев война между Северной и Южной Кореей так и не закончилась, ограничившись перемирием. Даже сейчас, спустя определённо большой срок времени, на границе между странами происходят локальные конфликты, привлекая внимание общественности и повышая уровень напряженности в регионе [9, с. 129-132]. Эскалация конфликта и постоянный процесс противоборства между странами влияет на многие социально-политические и экономические процессы в регионе, в частности в отношении Южной Кореи, которая по результатам разделения территорий получила широкую водную границу и большой потенциал морской торговли и хозяйства, но была обделена территориями, пригодными для ведения сельского хозяйства. Низкая плодородность почвы, послевоенная разруха практически во всех сферах экономики привели страну к затяжному экономическому кризису. Идеологический противник, разделяющей с ней единственную сухопутную границу, по умолчанию создавал напряженность в корейском обществе. Неудачные военные действия, в которых пострадали в первую очередь сами граждане, ставило Южную Корею в невыгодное положение и заставляло искать самые радикальные, а порой и просто неэффективные пути решения проблемы, даже если они были продуктивны лишь в краткосрочной перспективе.

Для разрешения актуальных проблем в краткосрочной перспективе правительство Южной Кореи пошло на достаточно, с точки зрения исследователя, недемократические методы взаимодействия с экономической сферой, т.е. передачу всей экономической мощи государства в руки определённых, привилегированных семей, для которых рыночные отношения были одним из способов получения влияния и богатств. Сама концепция предполагала, что на разрушенной войной экономической платформе Восточноазиатского региона нет смысла поддерживать новые и потенциально невыгодные тенденции и игроков. Эта уверенность исходила из понимания, что новые вехи корейской экономики, молодые кампании и бизнес не справятся с открывшимся перед ними мировым экономическим рынком демократических государств. Стоит напомнить, что объединенная Корея ещё до войны 50-х гг. больше тяготела к странам социалистического лагеря, в котором не было столь серьезных проблем и ограничений. Ставшее «свободным» корейское гражданское общество получило возможность увеличения собственных доходов, и как следствие, происходит увеличение уровня потребления со стороны населения. В таких условиях без поддержки государства торгово-экономическая сфера Южной Кореи могла быть полностью поглощена другими экономически развитыми государствами. И более презентабельными, и стабильными являлись более влиятельные и богатые за счёт старых связей и накопленных материальных богатств семьи «чеболей». Поэтому для государства в тот момент времени это было единственным разумным методом разрешения проблем в экономике. Стоит отметить, что подобная инициатива и решение сыграло на руку в тот момент экономике Южной Кореи. Ведь не зря, даже на момент 2025 г., мы можем встретить такие названия как Samsung, Hyundai, LG Group и многие другие компании [8, с. 171-174]. Поэтому мы можем увидеть в истории Южно-Корейское экономическое чудо, которое поставило это азиатско-тихоокеанское государство в первые ряды экономик мира. Однако присутствуют одновременно с положительными сторонами и негативные последствия принятия подобных экономических решений.

Для работы и взаимодействия на уровне государства, а также межгосударственном уровне новоявленные спасители южнокорейской экономики начинали активно работать с населением. В короткие сроки рынок труда начал насыщаться большим притоком высокопрофессиональных кадров. В долгосрочной перспективе, спустя определённые этапы

взаимодействия с обществом, экономические кампании стали более избирательны и закрыты, что повлекло за собой ряд социально-политических проблем. В первую очередь, выстроенные в системе социальных отношений государства принципы и связи начали негативно сказываться на новых поколениях. Стремление к знаниям, получению образования и последующее устройство на престижную должность становится национальной «идея-фикс», постоянно привлекая всё больше «юных дарований». Однако, уже представленные на рынке Южной Кореи кампании давно утолили свой кадровый голод, представляя в год минимум мест на тысячи желающих. Что, в свою очередь, оставляет за бортом социально-политической и экономической жизни государства огромное количество людей, которые зачастую пополняют численность безработного населения. Во вторую очередь, сама социально-культурная составляющая трудовой этики Южной Кореи исходит из принципа, что трудолюбие и переработки лучше, чем эффективность трудовых ресурсов. Что ставит очень суровые границы возможного взаимодействия и условность некоторых, если не всех, правовых норм в сфере трудового законодательства Южной Кореи. И даже если опускать экономическую несостоятельность подобной составляющей в сфере актуальной глобальной экономики, её влияние на морально-психологическую базу и состояние человека отражается негативно на психоэмоциональном состоянии индивида. Не зря социологи находят ряд причин, по которым страна обгоняет другие в списке стран по уровню смертности среди взрослого населения. Постоянное общественное давление, переработки и отсутствие инициатив со стороны высшего руководства ставит обычных работников в катастрофическое положение. И даже факт того, что работа в подобных кампаниях сравнивается с получением «счастливого билета в жизнь», не облегчает подобное бремя. Работники зачастую становятся жертвами неэффективной системы управления кадрами внутри подобных структур.

Одновременно с этим на фоне разгорающегося социально-политического кризиса наблюдаются негативные процессы в экономической сфере Южной Кореи. Речь идёт об уровне коррупции в стране, что является одной из наиболее серьезных её проблем, даже с учётом враждебного соседа – Северной Кореи. Основы подобного положения исходят из прошлой перестройки экономической сферы государства, что будет ориентировано на определённые состоятельные семьи. С таким подходом высокий уровень коррупции выступает закономерным следствием. Капитал в определённый момент всегда переходит из экономической сферы в политическую составляющую, стремясь к ещё большей власти и влиянию. В итоге, из всех президентов страны не было ни одного, который не был бы уличен и обвинён в коррупции. И хотя подобные судебные процессы носили общественный характер и известны даже в других странах, одновременно с этим малоизвестно, что большинство обвинённых в дальнейшем вместо отбывания в исправительных учреждениях полного срока наказания были оправданы или помилованы последующими президентами. Большинство политологов [7], [10], [12], [13], [14] сходятся во мнении, что подобные процессы лишь часть интриг и политических взаимодействий среди правящих элит и экономических семей, которые давно монополизировали все производственные отрасли и рынки сбыта.

Третья причина социально-политической нестабильности в Южной Корее исходит из отсутствия политической оппозиции по причине «выжженного» политического пространства в стране. Это связано с тем, что любая иная политическая сила в рамках государства немедленно подавляется, так как рынки и сферы взаимодействия между государством и элитами давно поделены. И хотя поначалу в краткосрочной перспективе подобное положение вещей было ещё положительным, так как страна работала в едином направлении экономической политики. Однако считаться демократическим, правовым или даже эффективным государственным управлением в стране уже не может, так как вместо развития в противостоянии и взаимодействии страна идёт одним курсом на обеспечение потребностей узкой группы лиц. Можно сказать, что население страны оказалось в незавидном положении зависимости от носителей большей части государственного материального капитала, а страна тем временем стала постепенно превращаться в государство-корпорацию. Подобная корпорация, в свою очередь, не до конца эффективна, монолитна в своих традициях и не

заинтересована в своих сотрудниках-гражданах, так как вся трудовая культура базируется на превосходстве кампании, удовлетворении её интересов над потребностями всех остальных субъектов социально-экономических отношений.

Анализируя сложившуюся в стране ситуацию, можно прийти к неутешительным выводам в сфере общественной безопасности и государственной стабильности, в частности, и индекса счастья населения. Подобное положение вещей рассматривалось в научной политологической литературе, посвящённой формированию системы противодействия политическому экстремизму в условиях глобализации социально-политических процессов. В работе даётся характеристика причин и последствий формирования экстремистских ячеек внутри государства и общества. Для этого необходима высокопотенциальная платформа для насаждения подобных идей, как политических, так и иных спектров. Такой платформой может быть информационный коллапс, возникший вследствие безжалостной цензуры. Или продолжительное пренебрежение к гражданскому обществу и институтам. Или же монополизация определенных сфер в пользу закрытых элит. Порой подобной платформой может быть, например, нарастающий уровень общественного напряжения, который постоянно подкрепляется растущей бездной между сверхбогатыми и бедными, ростом безработицы и инфляции, исходящей из глобальной составляющей человеческого общества. И порой причины общественных беспорядков исходят не из сути событий, а лишь по условиям возникновения общественного мнения и доступности для обычных граждан.

Наиболее яркий пример подобного можно увидеть в событиях окончания 2024 г., когда последний на настоящее время президент Южной Кореи объявил военное положение в стране для противодействия оппозиции, которой удалось добиться отмены военного положения, так как она представляла собой внутрисистемные силы, чья власть и влияние могли посоперничать с президентом Южной Кореи. Наиболее знаковым моментом данных событий является не кулуарное соперничество правящих кланов, чем это в итоге и оказалось, а отношение и реакция на эти события со стороны гражданского общества, которое смогло консолидироваться и инициировать общественные беспорядки, что в плане культурной и моральной традиции корейцев им не свойственно. Это показывает, насколько в обществе сильны социально-политические противоречия, следовательно, наглядно демонстрирует, насколько оно восприимчиво для распространения экстремистских идеологий, которые могут укрепиться и нанести неожиданный удар в дальнейшем, исходя из процента не выявленных недовольных политикой действующей власти граждан. Нарастающее недовольство обычных людей будет существенным катализатором в дальнейших политических процессах в стране, что смогут использовать недоброжелатели, провокаторы и противники политического режима. Причем, в первую очередь они будут настроены на резкое, радикальное изменение социально-политических основ государства, не взвизывая не на какие жертвы и дальнейшие проблемы. Что нельзя считать хоть в малой доле положительными процессами для гражданского общества.

Ещё одним формальным фактором дестабилизации социально-политического и культурного состояния в регионе можно считать традиционализм представленного этноса. Патриархальное, зачастую достаточно неэтичное и грубое представление о общественной роли отдельных её членов, подавление инакомыслия и социальное напряжение может быть представлено базой для формулирования на их основе радикальных идеологий, представляющих из себя «около-патриотичные» или псевдо-консервативные инициативы. И хотя страны Азии зачастую опираются на монолитность своей политической и социальной культуры, именно подобное может быть использовано против них в случае, если радикальные или даже латентные экстремистские ценности будут представлены сверху правящей пирамиды. Актуальность формирования и встраивания в политические спектры эффективных методов противодействия экстремизму во всех его формах крайне необходимы в краткосрочной и долгосрочной перспективе во избежание нарастающего конфликта и последующей катастрофы.

Особые опасения в случае представленного региона вызывает политический экстремизм, как форма воздействия на население, и последующая реорганизация гражданского общества. Феномен политического экстремизма раскрывается через призму политически-социальных технологий воздействия, постепенно изменяющих политическую культуру граждан, позволяя новым идеям и постулатам радикальных идеологий переходить из зоны недопустимых в зону приемлемых и даже желанных. Этот процесс можно сравнить с наращиванием уровня легитимности политических решений, измеряя уровень радикализации общества через принятые глобальные демократические принципы. Чем больше склоняется чаша весов, тем более экстремистским можно считать государство, хоть и исходя из косвенных факторов. Наиболее ярким примером подобного в случае Южной Кореи мы можем взять постепенную милитаризацию государственного аппарата, что уже в течение длительного периода времени постепенно вводит всё новые и новые военные инициативы, реформируя систему управления прикрываясь внешней угрозой со стороны северного соседа. Следует отметить, что политические и военные провокации на границе между Севером и Югом происходят по инициативе обеих сторон. Закрытость же политических элит, тесно связанных с кастой «чеболей», не оставляет политическому пространству страны никаких иных альтернатив. Деграция политической составляющей государства через запредельный уровень коррупции и кумовства требует введения обширного списка реформ, как административных методик, так и в целом систем и технологий.

Социально-экономический кризис Южной Кореи представляет собой затяжной процесс, формирующий в себе новые социальные слои и организации. Среди них особенно выделяется организованная преступность, которая была сформирована в 90-е гг. в Корее иммигрантами с корейскими корнями из Японии. Согласно общей информации, руководитель данной группировки, ещё до иммиграции, в Японии активно взаимодействовал с оккупационной администрацией США и подобные связи перенес с собой в транзите идеологии «якудза» в Южную Корею. И хотя подобная деятельность с юридической точки зрения противозаконна и любых представителей подобных движений ожидает тюрьма, согласно актуальным исследованиям и социологическим опросам, южнокорейская «мафия» удерживает приличную долю теневого рынка страны, постоянно пополняется и получает в свои руки всё больше влияния. Деятельность организованной преступности начинается от рэкета, продажи наркотиков или же содержания подпольного казино с проституцией, заканчивая вполне законным строительным бизнесом. Подобное возможно в силу особенностей Южнокорейской преступной организации. Во-первых, бизнес организованной преступности имеет под собой полулегальный или даже зачастую полностью легальный характер. На подобное положение вещей государство смотрит сквозь пальцы, так как именно эти дельцы создают необходимые рабочие места в стране и придерживаются границ дозволенного, играя роль буфера между легальным и нелегальным бизнесом. И даже между бизнесом «чеболей» и малыми бизнесами, контролируя последних. Во-вторых, основную базу представителей группировок организованной преступности составляют подростки и молодые люди, которых так и называют «ганпхэ», что с корейского можно перевести как «хулиган». Подобное никак не котируется с привычными для нас «головорезами, убийцами, преступниками» в лице мафии в других странах. И хотя подобная деятельность нелегальна и преследуется по закону, зачастую детей или молодых людей отпускают с выговором, административным штрафом или после недолгого пребывания в тюрьме. В дальнейшем человек, замеченный в подобном, до конца своей жизни находится под гнѐтом общественного осуждения. Что в итоге навсегда поворачивает его спиной от общества в целом. В-третьих, влияние экономических элит на организованную преступность имеет крайне высокий уровень. Это выражается в формировании целых «семей» организованной преступности в стране, которые зачастую играют роль теневого партнёра или малой кампании одного или нескольких ведущих экономических акторов, подчищая за более большим и легальным «братом». Схожесть в организации, а также в формировании структуры, не случайна, так как идеалом системы внутреннего управления являются всё те же кампании «чеболей».

Взаимодействие организованной преступности с идеологами экстремистских организаций является основной опасностью для сохранения общественного правопорядка в стране. Опираясь на подобную платформу, организовав из рядовых членов организованной преступности своих собственных агентов влияния, любая экстремистская идеология очень быстро начнёт захватывать влияние. Как и произошло, например, минирование самолёта в 2019 г. молодым солдатом-сапёром, который в дальнейшем уехал из страны на Ближний Восток и присоединился к террористической организации. И, к сожалению, это не единичный случай эффективной работы идеологической обработки. При этом, согласно национальным и культурным особенностям, подобные инциденты должны быть практически невозможными. Но прецеденты присутствуют. Это показывает определённую слабость в системе взаимодействия между политико-экономическими элитами, организованной преступностью и органом государственного управления в Корее. И как только власть или элиты потеряют свои рычаги влияния, организованная преступность в лице молодых и очень восприимчивых в силу психологического состояния людей могут поддаться влиянию извне. Подобное спровоцирует всплеск экстремизма в регионе. Сама система управления, исходящая от малых многочисленных ячеек к более крупным социальным институтам, может быть подвержена атакам и распасться, провоцируя расширение среды воздействия политического и иного экстремизма в стране. Но ситуация может быть ещё хуже, если под влияние экстремистской идеологии попадут наиболее высокие посты и ячейки, которые банально в силу своего влияния и власти могут обратить всех нижестоящих лиц в свою идеологию.

В Южной Корее существует и функционирует система противодействия политическому экстремизму. Однако, с точки зрения демократических институтов, не корректно соотносятся интересы общества в лице простых граждан и закрытых политико-экономических элит. И хотя те нередко совпадают, сама тенденция подобного является ещё одним камнем преткновения между гражданами и элитами. Об этом можно судить из того, что в общественном информационном поле время от времени курсируют новости о повышении уровня недовольства среди обычных граждан по отношению к политической элите страны по причине «купленных» судов или коротких судебных процессов. В других же, более «распространённых» процессах, государственные силовые структуры показывают хороший уровень реагирования и воздействия. Но ещё более эффективным оказывается система социального контроля, исходящего из культуры. Наличие даже косвенных обвинений может быть существенной преградой для жизни на территории страны, взаимодействии с другими людьми и даже гражданскими институтами, полностью вычеркивая индивида из жизни общества. Страх перед подобным регулирует поведение определенных общественно-деструктивных элементов, но время от времени государство предоставляет яркие примеры, чтобы напомнить об обязательности санкций за нарушения.

Усиление государственного контроля над гражданским обществом не является единственным способом ограничить или полностью победить экстремистские идеологии. Сам термин «победа» в подобном случае не применим, ибо, во-первых, в ходе процесса противостояния можно самостоятельно уничтожить то, что пытаешься защитить. А во-вторых, политический экстремизм не представляет собой определенный, зафиксированный элемент, процесс или даже идею. Он многогранен, потенциал его развития, уровень опасности и охвата населения ничем не ограничен. А это значит, что перед правительством не только Южной Кореи, но и любого государства, стоит задача сформировать эффективную систему противодействия экстремизму, которая не ограничена в методике и технологии влияния. Собирая наиболее удачные методики противодействия, анализируя опыт других стран, можно прийти к тому, что есть несколько технологий воздействия, которые можно считать достаточно универсальными и эффективными. В ситуации Южной Кореи наиболее положительно скажется технология смещения радикальных нарративов из скрытой в открытую фазу, когда проблемы социально-политической сферы постепенно, частями, подвергаются огласке. И, используя поддержку со стороны общества, взаимодействие между элитами и государством, постепенно решаются. Корректирование

социально-политических процессов и сферы с участием самого общества может явно показать нацеленность правительства на изменение и выявить наиболее радикальные элементы, как в оппозиции, так и в самом аппарате управления. В истории подобные инициативы носили названия чрезвычайных комиссий или же становились целым сектором государственного управления, как министерство или служба. Исходя из подобного, можно будет устранить или нивелировать наиболее острые моменты реформирования социально-политической сферы, избежав настоящего пика роста радикализации и распространения технологий и идей политического экстремизма. А введение платформы политического взаимодействия сможет реализовать потребность населения не только в участии в политической жизни, но и может стать необходимым рупором услышанных общественных масс. Кроме того, стоит заметить, что уже в актуальном моменте в обществе присутствует серьезный запрос, как на социальную справедливость, так и качественные изменения в сфере распределения материальных и культурных богатств. А значит, постепенное расширение инструментария социальной помощи сможет смягчить радикальные настроения. Решение проблемы безработицы через поощрение малого и среднего бизнеса, открытие новых рабочих мест. Формирование системы образовательного процесса через улучшение психологической составляющей и культурного пласта по принципам взаимоуважения и взаимопомощи сможет сменить парадигму и снизить общественное напряжение. И, одновременно с этим, уже в самой измененной образовательной системе можно реформировать социально-культурные паттерны, а именно степень принятия коррупции в обществе. Так как именно коррупция, монополия и материальное неравенство являются ядром социальной напряженности, если постепенно изменить отношение граждан к подобному, сам факт и процессы, связанные с этим, будут вызывать подсознательное отрицание, что постепенно будет менять общество, правительство и государство.

Южнокорейское общество при этом относится к западноевропейской школе противодействия политическому и иному экстремизму, что обычно именуется западно-демократической или просто демократической. В этой школе опора социально-политического порядка и стабильности идёт на воспитание граждан, работу демократических институтов и проявление демократических же принципов. Если судить по внешнему облику страны. Внутренние же процессы более сложны, представляя собой ряд консенсусов и взаимодействий политических, социальных, экономических и других элит между собой в форме латентных договорённостей. Подобное, зачастую, не всегда преследует интересы обычных граждан, что можно увидеть и в нынешней системе Южной Кореи. Рассматривая политическую ситуацию в целом, можно сделать вывод, что протекторат Соединённых Штатов и Западного мира сыграл свою роль в становлении не только государственности азиатской страны, но и многих её социально-политических институтов. Примером подобного подхода является технология воздействия на общественное мнение, которая выражается в контроле социальных процессов и информационных медиа, с помощью цензуры либо используя перенасыщение информацией. Исходя из специфики СМИ в мире, необходимо понимать, что независимая журналистика зачастую представляет собой либо подконтрольную государству, либо частному бизнесу методику воздействия на общество. Поэтому, исходя из особенностей, как западноевропейской школы, так и Южной Кореи в целом, мы приходим к мысли, что средства массовой информации в стране исходят из интересов политико-экономических элит.

С другой стороны, согласно Всемирному индексу свободы прессы, Южная Корея занимает 43-е место на момент 2021-го года. На момент 2023 г. уже занимала 47 место. А к 2025 г., на момент написания работы, Южная Корея опустилась до 62 места, пропустив впереди себя как Украину, так и ряд африканских государств в лице Гамбии, Габона, Либерии и др. До этого, на момент 2015 г., Южная Корея занимала 31 место в списке. И хотя достоверность и ликвидность подобного списка со стороны организации, которая признана иностранным агентом в нескольких государствах, достаточно сомнительна, так как зачастую представляют не достоверную информацию либо исходят из интересов нанимателей. Но сам факт деградации свободы слова и цензура позволяют нам сделать несколько выводов. Первый

вывод исходит из того, что средства массовой информации всё больше подвергаются цензуре, представляют необходимое государству информационное поле и сглаживают углы, исходя из интересов правящих элит. Второй вывод состоит в том, что государство тесно сплетено с экономическими элитами, в лице чеболей все активнее «закручивает гайки режима», исходя из опасности Северного соседа и внутренней напряженности в самой стране. Третий момент исходит из самой методики воздействия на массы, так как подобная технология имеет свойства «прививки», постепенно с каждым годом становясь всё более неэффективной. Это выражается в падении индекса доверия СМИ и государственному аппарату, который в Южной Корее на фоне роста уровня коррупции и «выжженном» политическом поле всё чаще проявляется в негативном ключе.

Выводы

Ещё одним фактором воздействия политического экстремизма на стабильность и правопорядок в стране, является её отчуждённость. Система противодействия должна строиться, исходя из надежных внешнеполитических соседей и партнёров, которые вместе комплексно реагируют на наиболее серьезные процессы в Восточноазиатском регионе. Однако, Южная Корея лишена подобного, находясь одновременно в фазе латентной войны с КНДР, открытого соперничества с другими Азиатскими странами и, как не странно, ограниченностью дипломатических связей. Последнее исходит из приоритетов наиболее важного и сильного союзника в лице США, который относится к Республике Корея как сателлиту и подчиненному, а не равному. Что играет на пользу политическим элитам самого гегемона, но никак не подчиненному. И подобное положение вещей исходит ещё с самого начала Корейской Войны, с которой мы начали данное исследование. Так что можно сказать, что государство находится в чрезвычайно нестабильном состоянии, но при этом подобное положение вещей является высокопотенциальной платформой развития и внедрения новых, необходимых реформ.

Для улучшения социально-политической ситуации в стране необходимо провести ряд серьезных улучшений. Например, идеологическая обработка населения, реформирования экономической системы и политической культуры. С целью постепенного выдвижения государства, демократического и правового, исходящего из независимых избранных на демократических выборах кандидатов, без связей с предыдущими политико-экономическими элитами. В перспективе подобный подход позволит в дальнейшем найти компромисс между движениями традиционалистов и группами реформаторов. Второй путь, наоборот, более демократичный, реализуется в момент экономического многообразия в лице поддержки государством не только экономических элит, но и создание фонда поддержки малого бизнеса. Подобная инициатива, защищенная законами и государством от монополизации, позволит гражданскому обществу безболезненно пройти путь перехода от крупных авторитарных кампаний, до свободного рынка. Смещение центра монополии на частный капитал проведёт страну через серию таких же болезненных реформ, как и в первом случае, однако ожидаемые итоги и сохранение международного авторитета предпочтительнее, но всё зависит от правительства Южной Кореи. Третий же путь состоит в постепенном отсоединении организованной преступности от общественных платформ и политико-экономических элит в стране. Подобную нишу должны занимать государственные либо независимые гражданские институты, исходящие от закона и поддержки правопорядка, во избежание формирования в стране платформы воздействия экстремистских идеологий.

Создание системы противодействия политическому экстремизму должно стремиться к балансу между оппозицией и государством, допускать создание гласной платформы для недовольных, но пресекать любые проявления радикализации подобных движений и перехода их в уголовно-преступную плоскость. Государство должно вести грамотную мониторинговую, управленческую и идеологическую политику. Регулировать процесс нивелирования последствий конфликтов и выстраивать культуру предубеждения по отношению к радикальным методам и методикам.

Литература

1. Алексеев О. Н. Международный терроризм и борьба с ним крупнейших государств Тихоокеанского региона: дис. канд. полит. наук. – Владивосток, 2013. – 206 с.
2. Алексеенкова Е. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов "5+1" (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Россия и мусульманский мир. - 2017. - №12. - С. 36-59.
3. Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом: международно-правовые подходы. М., 2002. - 722 с.
4. Антонян Ю.М. Терроризм в современном мире. – М., Наука, 2008. - 358 с.
5. Веселовский С. С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. - М., Кауопа, 2009. - 268 с.
6. Власов В.И. Экстремизм, терроризм, сепаратизм: политико-правовое осмысление в условиях глобализации. - М.: Изд-во РАГС, 2011. - 45 с.
7. Казарьян Р.Л. Роль и место крупного капитала в политической системе Республики Корея (1961-1997 гг.) - М., 2003. - 222 с.
8. Лешакова Н.П. Роль крупных национальных компаний в развитии инновационной экономики: опыт Республики Корея // Проблемы современной экономики. - 2016. - №4. - С. 171-174.
9. Маметьев И. В. Итоги Корейской войны 1950-1953 гг. в отечественной историографии // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. - 2018. - №2 (66). - С. 129 - 132.
10. Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке. Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века. М.: ИМЭМО РАН, 2009. - 132 с.
11. Русецкий Е.А. Влияние коррупции на политический процесс Республики Корея. - Владивосток, 2009. - 220 с.
12. Толстокулаков И.А. Внутриполитический процесс в Республике Корея в 2003 г. // Россия и АТР. - 2005. - № 1. - С. 91-102.
13. Толстокулаков И.А. Деятельность президентов Республики Корея Ким Ён Сана и Ким Тэджун в оценке соотечественников и зарубежных исследователей // Вестник ДВ РАН. - 2002. - № 1. - С. 59-71.
14. Толстокулаков И.А. Политика модернизация Южной Кореи. - Владивосток, 2007. - 563 с.
15. Шотанова Г.А. Внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии // Корееведение Казахстана. - 2014. - № 2. - С. 365 – 371.
16. Юрковский А.В. Тенденции и предпосылки развития экстремизма и терроризма в Республике Корея и КНДР // Юридическая наука: история и современность. - 2018. - № 7. - С. 167-175.
17. Bun Woong Kim, Pan Suk Kim, B. Guy Peters Korean Public administration: managing the uneven development. Seoul, 1999, 400 p.

References

1. Alekseev O.N. Mezhdunarodnyy terrorizm i bor'ba s nim krupneyshikh gosudarstv Tikhookeanskogo regiona [International terrorism and the fight against it by the largest states of the Pacific region: diss. candidate of political sciences.]. Vladivostok, 2013, 206 p. (In Russian).
2. Alekseenkova E. Sravnitel'nyy analiz deyatel'nosti sozdannykh v Tsentral'noy Azii formatov "5+1" (s uchastiem SShA, Yuzhnoy Korei, Yaponii i ES) [Comparative analysis of the activities of the "5 + 1" formats created in Central Asia (with the participation of the USA, South Korea, Japan and the EU)]. Rossiya i musul'manskiy mir. [Russia and the Muslim World]. 2017, I. 12, pp. 36-59. (In Russian).
3. Antipenko V.F. Bor'ba s sovremennym terrorizmom: mezhdunarodno-pravovye podkhody. [The fight against modern terrorism: international legal approaches.]. Moscow, 2002, 722 p. (In Russian).
4. Antonyan Yu. M. Terrorizm v sovremennom mire. [Terrorism in the modern world.]. M., Nauka, 2008, 358 p. (In Russian).

5. Veselovskiy S. S. Mnogostoronnee sotrudnichestvo v bor'be s transnatsional'nym terrorizmom. [Multilateral cooperation in the fight against transnational terrorism.]. M., Kauopa, 2009, 268 p. (In Russian).
6. Vlasov V.I. Ekstremizm, terrorizm, separatizm: politiko-pravovoe osmyslenie v usloviyakh globalizatsii. [Extremism, terrorism, separatism: political and legal understanding in the context of globalization.]. M.: Izd-vo RAGS, 2011, 45 p. (In Russian).
7. Kazar'yan R.L. Rol' i mesto krupnogo kapitala v politicheskoy sisteme Respubliki Koreya (1961-1997 gg.). [The role and place of big capital in the political system of the Republic of Korea (1961-1997)]. M., 2003, 222 p. (In Russian).
8. Leshakova N.P. Rol' krupnykh natsional'nykh kompaniy v razvitii innovatsionnoy ekonomiki: opyt Respubliki Koreya [The role of large national companies in the development of an innovative economy: the experience of the Republic of Korea]. Problemy sovremennoy ekonomiki. [Problems of modern economics]. 2016, I. 4, pp. 171-174. (In Russian).
9. Mamet'ev I. V. Itogi Koreyskoy voyny 1950-1953 gg. v otechestvennoy istoriografii [Results of the Korean War of 1950-1953 in domestic historiography]. Neftegazovye tekhnologii i ekologicheskaya bezopasnost' [Oil and gas technologies and environmental safety] 2018, I. 2 (66), pp. 129-132. (In Russian).
10. Prozorovskiy A.S. Politicheskii lider i modernizatsiya na Vostoke. Opyt Indonezii i Yuzhnoy Korei vo vtoroy polovine KhKh veka [Political leader and modernization in the East. Experience of Indonesia and South Korea in the second half of the twentieth century]. M., IMEMO RAN, 2009, 132 p. (In Russian).
11. Rusetskiy E.A. Vliyanie korruptsii na politicheskii protsess Respubliki Koreya [The impact of corruption on the political process of the Republic of Korea]. Vladivostok, 2009, 220 p. (In Russian).
12. Tolstokulakov I.A. Vnutripoliticheskii protsess v Respublike Koreya v 2003 g. [Internal political process in the Republic of Korea in 2003]. Rossiya i ATP [Russia and ATP]. 2005, I. 1, pp. 91-102. (In Russian).
13. Tolstokulakov I.A. Deyatel'nost' prezidentov Respubliki Koreya Kim En Sana i Kim Tedzhuna v otsenke sootchestvennikov i zarubezhnykh issledovateley [The activities of the presidents of the Republic of Korea Kim Yong-sang and Kim Tae-joong in the assessment of compatriots and foreign researchers]. Vestnik DV RAN [Bulletin of the Far Eastern Russian Academy of Scien] 2002, I. 1, pp. 59-71. (In Russian).
14. Tolstokulakov I.A. Politika modernizatsiya Yuzhnoy Korei [Modernization policy of South Korea]. Vladivostok, 2007, 563 p. (In Russian).
15. Shotanova G.A. Vneshnyaya politika Yuzhnoy Korei v Tsentral'noy Azii [Foreign policy of South Korea in Central Asia]. Koreevedenie Kazakhstana [Korean studies of Kazakhstan]. Almaty, 2014, pp. 365-371. (In Russian).
16. Yurkovskiy A.V. Tendentsii i predposylki razvitiya ekstremizma i terrorizma v Respublike Koreya i KNDR [Trends and prerequisites for the development of extremism and terrorism in the Republic of Korea and the DPRK]. Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' [Legal science: history and modernity]. St. Petersburg 2018, I. 7, pp. 167-175. (In Russian).
17. Bun Vung Kim, Pan Suk Kim, V. Goy Pitera Koreyskoe gosudarstvennoe upravlenie: upravlenie neravnomernym razvitiem [Bun Woong Kim, Pan Suk Kim, B. Guy Peters Korean Public administration: managing the uneven development]. Seoul, 1999, 400 p.